

ОБНИНСК

✦ ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ #КИБЕРПУТЕВОДИТЕЛЬ

#ГОРОДПЕРВЫХ

ТАКОЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ

Коллектив авторов

Обнинск. Это моя земля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71056894

ISBN 978-5-0064-5041-7

Аннотация

К 70-летию первой в мире АЭС собраны работы победителей литературного конкурса «Обнинск – город первых», организованного Федеральным центром гуманитарных практик РГГУ при поддержке Администрации города Обнинска, журнала «Мир Музея», программы «Другое Дело» президентской платформы «Россия – страна возможностей». Легенды Обнинска, созданные под девизом «Такое могло произойти только здесь», стали вторым после Железногорска Красноярского края сборником об атомных городах.

Добро пожаловать в Обнинск!

Содержание

Благодарность партнерам	6
Жюри литературного конкурса	8
Предисловие от главы Обнинска	10
Предисловие от международного фестиваля «Город первых»	12
Предисловие продюсера киберпутеводителя	15
Алеша. Летят журавли	18
Исповедь врача	44
Реставрация души	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Обнинск. Это моя земля

#Киберпутеводитель

Авторы: Шкирдова Галина, Туркин Андрей, Лебедев Павел, Ильина Ольга, Холодов Денис, Данилов Григорий, Старкова Светлана, Буркова Анастасия, Затеева Дарья, Илюшина Анастасия, Усова Алина, Шац Иннокентий, Ефимова Светлана, Ключев Михаил, Опарин Александр, Иванов Андрей, Адалинда, Торопов Егор, Миронова Елена, Круглов Тимофей

Продюсер, преподаватель курса «Конструктор легенд»
Андрей Сулейков

Руководитель оргкомитета Наймушина Елена

Продюсер фестиваля «Город первых» Тигран Петросов

Иллюстратор Наталия Венедиктова

Куратор Алексей Пищулин

Руководитель проекта Михаил Ануфриев

© Галина Шкирдова, 2024

© Андрей Туркин, 2024

© Павел Лебедев, 2024

© Ольга Ильина, 2024

© Денис Холодов, 2024

© Григорий Данилов, 2024

- © Светлана Старкова, 2024
- © Анастасия Буркова, 2024
- © Дарья Затеева, 2024
- © Анастасия Илюшина, 2024
- © Алина Усова, 2024
- © Иннокентий Шац, 2024
- © Светлана Ефимова, 2024
- © Михаил Ключев, 2024
- © Александр Опарин, 2024
- © Андрей Иванов, 2024
- © Адалинда, 2024
- © Егор Торопов, 2024
- © Елена Миронова, 2024
- © Тимофей Круглов, 2024
- © Наталия Венедиктова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0064-5041-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность партнерам

Издательство «Это моя земля», жюри литературного конкурса «Обнинск – город первых», оргкомитет киберпутеводителя выражают сердечную признательность партнерам проекта, благодаря которым состоялись конкурс легенд и создание сборника:

- Администрация города Обнинска;
- Федеральный центр гуманитарных практик;
- Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»;
- Президентская платформа «Россия – страна возможностей»;
- Программа «Другое Дело»;
- Издательство «Литературная газета»;
- Редакция «Комсомольская правда»;
- Журнал «Мир Музея»;
- ОСИГ – Общенациональный Союз Индустрии Гостеприимства;
- Вести Туризм – информационное интернет-агентство;
- Интурмаркет – международная туристическая выставка;
- Издательство «Аппреал»;
- Brand Analytics – система мониторинга и анализа соци-

альных медиа;

- Международный арт-фестиваль «Город первых».

Проект реализован с использованием средств Президентского фонда культурных инициатив

**ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ**

Жюри литературного конкурса

Замшев Максим Адольфович

Российский писатель, поэт и прозаик, публицист, литературный критик, переводчик с румынского и сербского языков.

Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2010). Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Главный редактор «Литературной газеты».

Пищулин Алексей Юрьевич

Директор Федерального центра гуманитарных практик РГГУ. Главный редактор художественного иллюстрированного журнала «Мир Музея». Сценарист и режиссер телевизионных документальных фильмов.

Сулейков Андрей Владленович

Продюсер Федерального центра гуманитарных практик РГГУ (ФЦГП). Автор и преподаватель курса «Конструктор легенд». Член Союза писателей России.

Петросов Тигран Гургенович

Организатор международного фестиваля «Город первых». Автор социальных проектов «Дети Детям», «Чаша Добра», «Золотая скрипка с детьми и для детей».

Предисловие от главы Обнинска

В год празднования 70-летия пуска первой в мире АЭС Федеральным центром гуманитарных практик был организован и проведен уникальный литературный конкурс «Обнинск – город первых», целью которого был поиск и поощрение авторов, создающих литературно-художественные произведения для продвижения Обнинска как уникального туристического объекта, места, комфортного для проживания и самореализации.

Основой для задания стали важные исторические места и достопримечательности Обнинска. В нашем небольшом, но богатом историческими событиями городе есть памятники истории и архитектуры, места боевой славы времен Великой Отечественной войны, уникальные сооружения науки и техники. Горожане чтут память предков, гордятся своей историей, и данный проект еще раз подтверждает это.

Благодаря конкурсу у каждого жителя появилась возможность признаться в любви к родному городу через творчество. Участники могли рассказать истории, основываясь на своих впечатлениях, чувствах и эмоциях, и это помогло очеловечить места действия в городских легендах, проиллюстрировать традиционные духовные ценности.

Все участники конкурса, выполнившие творческое задание (а их было более семидесяти!), получили награды от про-

граммы «Другое Дело» президентской платформы «Россия – страна возможностей». Лучшие работы представлены в сборнике «Обнинск. Это моя земля», который стал уже 32-м сборником серии и вторым киберпутеводителем по атомным городам.

Сюда вошли написанные участниками конкурса городские легенды, мифы, притчи, путевые заметки и обычные житейские истории, которые полностью соответствуют девизу проекта «Такое могло произойти только здесь»!

Татьяна Николаевна Леонова,
глава администрации города Обнинска

Предисловие от международного фестиваля «Город первых»

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках книгу об удивительном городе.

Во времена СССР ты не нашел бы его на карте, он был строго засекречен. Проезжая по Киевскому шоссе в 100 километрах от Москвы, ты даже не подумал бы, что город, в котором расположена первая в мире атомная станция, так близко.

В современной истории России это первый наукоград страны. В нем работали и работают выдающиеся ученые, создавая атомную историю нашего государства. Проходя по зеленым улицам нашего города, ты увидишь множество напоминаний о его научном статусе. Высоким шпилем смотрит в небо метеовышка – уникальное сооружение, с помощью которого собирают сведения о погоде. Рубка настоящей атомной подводной лодки выныривает из гранитного моря – да-да, в нашем городе можно встретить моряков-подводников, хотя моря у нас нет. Все благодаря учебному центру, который находится здесь. Истребитель МиГ-29 взмывает вверх с высокого пьедестала. У нас нет аэродрома, но есть предприятие, которое участвует в цикле производства этих крылатых красавцев.

В другой части города бронзовый Игорь Васильевич Курчатов задумчиво сидит, обдумывая очередную физическую задачу. А рядом – памятник Ефиму Павловичу Славскому и Юрию Сергеевичу Семендяеву. Людям, которые в кратчайшие сроки в тяжелых послевоенных условиях построили первую в мире АЭС. Есть у нас и дуб, и кот ученый. Тенистые парки, живописные пруды и Гурьяновский лес. Заросшая по берегу ивами река Протва неспешно несет свои тихие воды до плотины, а далее обрушивается шумным водопадом.

Спорт – норма жизни. Круглый год радушно принимают посетителей горнолыжная, лыжероллерная трасса, бассейн, каток. Бегунов ждет «Атомный марафон», велогонщиков – велопробег. Любителей кино привлечет международный православный Сретенский кинофестиваль «Встреча». А скульпторов, художников и людей других творческих профессий ежегодно объединяет международный арт-фестиваль «Город первых». Здесь бурлящая энергия созидания рождает новые шедевры и достопримечательности города.

Рестораны и кафе на все вкусы запомнятся своими интерьерами и уникальным меню. Отели всегда рады туристам. Мы гордимся своим городом. Мы любим свой город. И хотим, чтобы ты, читатель, тоже полюбил его – наш Обнинск – и приехал к нам в гости!

Дарья Юрьевна Царенко,

редактор интернет-ресурсов международного
фестиваля
«Город первых»

Предисловие продюсера киберпутеводителя

Федеральный центр гуманитарных практик организовал литературный конкурс в год 70-летия пуска первой в мире АЭС и создания первого наукограда в России – одного из ведущих научных и технологических центров страны.

Конкурс городских легенд «Обнинск – город первых» проведен при поддержке администрации города Обнинска, арт-фестиваля «Город первых», журнала «Мир Музея», Школы дизайна НИУ ВШЭ.

Творческое задание для участников конкурса предполагало создание художественных произведений, где истории и легенды связаны с объектами Обнинска. Кроме того, каждая конкурсная работа должна иллюстрировать одну из традиционных российских ценностей.

В конце июля 2024 года в рамках международного арт-фестиваля «Город первых», приуроченного к празднованию Дня города Обнинска и поддержанного Президентским фондом культурных инициатив, состоялся мастер-класс «Конструктор легенд».

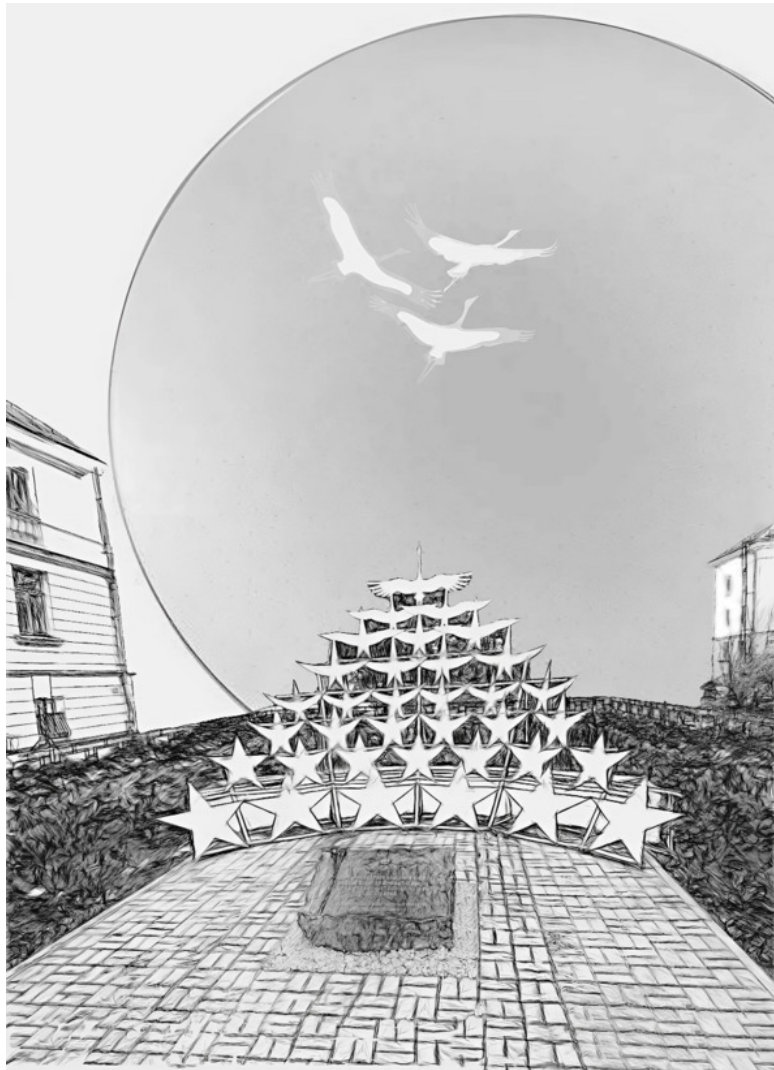
На конкурс поступило более 70 текстов. В лонг-лист включены 48 рассказов. После оценки жюри и объявления победителей конкурса будет опубликован сборник «Об-

нинск. Это моя земля» из 20 работ победителей.

Сборник о легендах Обнинска стал 32-м сборником серии и вторым киберпутеводителем по атомным городам. Первый опубликован по итогу конкурса легенд о Железногорске.

Легенды об Обнинске воплотятся в дополнительные медийные форматы: электронные тексты, иллюстрации, аудио- и бумажные книги, фильмы, мобильные приложения, видеоигры, театральные постановки, маршруты, квесты, сувениры, музыкальные произведения...

Андрей Владленович Сулейков,
эксперт Федерального центра гуманитарных практик
РГГУ,
автор и преподаватель курса «Конструктор легенд»,
продюсер серии киберпутеводителей «Это моя
земля»

Алеша. Летят журавли

Галина Шкирдова

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту легли когда-то,
А превратились в белых журавлей...*
Расул Гамзатов

*Бьют дождинки по щекам впалым,
Для вселенной двадцать лет – мало.
Даже не был я знаком с парнем,
Обещавшим: «Я вернусь, мама...»*
Роберт Рождественский

Деревня Минашино, Красноярский край.

Деревушка затерялась среди глухой тайги. Куда ни глянь – лес, лес, лес... Кое-где крохотные островки вспаханного поля. Да десяток добротных деревянных изб, с сараюшками, непременно атрибутом – баньками, крепкими срубами колодцев. Сельсовета нет. Только на самом высоком доме развешается красный флаг да снизу полотнище «Дашь пятилетку за три года!»

Здесь живет артель охотников. Своеобразный народ. Тихий, замкнутый, малоразговорчивый. Но рукастый. Все, что сделано в деревне, – мужики сами, своими крепкими, лов-

кими, совсем не мозолистыми руками сотворили. Чаше даже без единого гвоздя. Где его нынче взять? Ехать за сто с лишним верст на ярмарку? Так не наездишься, здесь дел хватает. Вот и приходится мужикам проявлять смекалку.

Советская власть сюда пришла поздно. Уже после 20-х годов. Пытались экспроприировать у артельных людей выделанные шкурки соболей, куниц, ласк, лисиц, белок, бобров – пушнину. А еще не виданные доселе шкуры белых медведей. Но встретили их мужики не очень ласково – у всех ружья, да не абы какие, а немецкие да английские, отлично пристрелянные. Патронов – немеряно. И свое добро просто так они никому не хотели отдавать. Бились насмерть. После этого было принято соглашение – Советы получают ежегодно определенное количество пушнины, но никогда не вмешиваются в работу артели охотников. Вот так и жили – каждый сам по себе. И всех все устраивало.

Семьи охотников жили здесь же, в деревне. Детей рожали не много, одного-двух на семью, если мальчики. А девочек, тех сразу отдавали на воспитание дальним родственникам. Конечно, навещали, приезжали с подарками, забирали погостить на лето. Но особо не привечали.

И жил в этой деревушке знатный охотник Иван. Высокий, с рыжими кудрями и бородой, крепкий, сильный. Белку бил в глаз и с левой, и с правой руки, и даже с закрытыми глазами. Одна печаль была у него с женой Марьюшкой – не дал Бог детушек. Как-то раз поехал Иван с артель-

щиками на ярмарку, по реке, на плоту. Двое суток добивались. Прикупились: муки, зерна, материи разной в подарок, посуды, кое-что из обуви. Утром должны были отплыть. Глядь – Ивана нет. Бросились искать. А тут и он бежит, в руках что-то несет, не разглядишь. Быстренько вскочил на плот и машет – давай, мужики, быстренько, отчаливаем. И только отойдя от ярмарки на приличное расстояние, распаковал он свой узел, который бережно держал в руках. Артельщики и ахнули. На руках у Ивана крепко спала чумазая, в рваной, грязной одежде, в дырявых лаптях девчушка. На вид лет пяти-шести.

– Да откуда ж ты такое чудо отхватил? А ну как кто искать начнет?

– Не волнуйтесь, братцы! Я ее из цыганского табора увел, что рядом с ярмаркой стоял. А эта девочка побиралась там. Сразу ее приметил. Хлеба дал, квасу. Смотрю – а она светленькая, русоволосая. Глазенки – как бездонное небо синие. А худющая... В чем только душа теплится. Я с ней переброем парой-тройкой слов. И прикипел. Понял, что не смогу уехать, бросив ее в цыганском таборе. Кем она там вырастет – воровкой? А мы с Марьюшкой ее воспитаем как родную. Обучу я ее своему ремеслу.

Помолчал, опустив голову.

– Одобряете или нет мой поступок?

– Хорошо али плохо ты поступил – жизнь покажет. Только отродясь у нас не было женщин-охотниц. Да, видно, судьба

тебе уготовила такой подарок. Так тому и быть!

Жена Ивана с трепетом и радостью приняла девчушку в семью. Выкупала, придела в новый сарафан, на ножки примерила сапожки из овечьей шкурки – и ахнула! До чего малышка хороша!

Нарекли девочку Настей – Настеной, Настюшкой. Вот и ладно.

Смышленая выросла дочь. И матери по хозяйству помогать успевала, и с отцом на охоту ходила. Скоро в деревне не было равных ей стрелков. Больше всех приносила Настя из леса добычи. Ни одну шкурку не испортила. В лес всегда ходила или одна, или с отцом. Секреты свои в охотничьем деле никому не рассказывала, не делилась. Одевалась в основном в мужскую одежду – рубаху да брюки. Так сподручнее было ходить в лесу, лазать по деревьям, поджидая добычу, спать на земле, подложив еловых веток, нести добычу домой, не цепляя подолом сарафана ветки кустарников и поваленных деревьев.

Деревушка хоть и в тайге пряталась, но молва о чудо-девице-охотнице далеко разошлась. Многие молодцы хотели увидеть воочию принцессу тайги, да больно дорога далека, да и не сидит она на месте, все время в разъездах.

Вернувшись из тайги с очередной партией пушнины, Настасья увидела возле своей избы странного старичка. В тулупе, в шапке-ушанке, больших серых валенках. Прыгает с но-

ги на ногу, стучит варежками друг о друга, нос прячет за воротник.

– Дедушка, вы к кому? Смотрю, замерзли очень. Прошу вас, пойдемте в избу, у печки согреетесь, чайку попьем.

Дедушка не стал противиться и довольно резво засеменил в избу. Настенька зашла следом.

– Мама, у нас гости!

– Да знаю я, доченька, знаю. Этот гость тебя уже третий день дожидается. В избе сидеть не хочет, все на улице тебя ждет.

Настя удивленно посмотрела на гостя и вдруг громко расхохоталась. Дедушка на поверку оказался молодым статным юношей. Он, робея и стесняясь, переминался у печки, грея замерзшие ноги.

– Давай-давай к столу! В ногах правды нет!

А на столе уже дымилась картошка, розовое салыце с мороза блестело капельками воды, хрустящая маринованная капуста со свеклой из погреба призывно манила попробовать ее. Хозяйка аккуратно отрезала ломти свежеиспеченного хлеба.

– А где батя?

– Так вы разминулись с ним. Он на дальнюю заимку пошел. Теперь дня через четыре вернется.

За столом шел неспешный разговор. Незнакомца звали Василий. Он аж из Калужской губернии сюда добирался. Долго, трудно. Почему зимой? Да работы в это время го-

да поменьше в доме. Урожай убран, сено запасено, амбары от зерна ломятся, год хороший был. Зачем сюда приехал? Да на хозяйку тайги посмотреть. А вдруг брешут?

Тут уже и хозяйка дома, и охотница расхохотались.

– Да с чего ты взял, что я – хозяйка тайги? Ну, охочусь, да, много пушнины заготавливаю. Но ведь это мой хлеб. Как потопашь – так и полопашь. Вот как у нас говорят.

– А ты это, говорливая. Тебе палец в рот не клади. Вот такая мне жена и нужна.

Все разом умолкли и удивленно посмотрели друг на друга.

– Ты это чего? Какой замуж? Мне всего-то 16 годков. И кто тебе сказал, что я согласна?

Василий встал с лавки. Поклонился.

– Разрешите мне дождаться хозяина. Свататься я хочу. Домой не вернусь без Настеньки.

Прошла неделя. Василий без дела не сидел. Помогал в хлеву со скотом: убирал, воду носил, кормил. За лошадьми ухаживал. Учился шкурки выделывать, штопал валенки. Никакой работы не чурался. Рукастый парень оказался. И Настенька на него стала с интересом поглядывать.

Когда вернулся отец с охоты, молодые уже понравились друг другу. Василий попросил у хозяина отдать за него Настеньку.

– Да как же так-то? Без благословения твоих родителей?

Не гоже это, не по-людски.

– Да родители мои согласны. Старенькие они уже. У нас хозяйство большое. Рук не хватает. Четверо моих братьев уже женаты, своими семьями живут. А я младший – значит, мне и досматривать родителей.

– А что, наша дочь согласна замуж идти?

– А вот мы у нее сейчас и спросим. Настюша, подь сюда!

Из-за занавески, зардевшись, вышла дочь, тербя косу руками, низко опустив голову.

– Согласна ли ты быть женой Василия?

– Да... – еле слышно прошептала охотница.

– Мать! Неси икону! Так и быть, будет наша Настасья мужней женой!

...Обратно, на родину Василия, молодые добирались на хороших, добротных саях, запряженных двумя лошадьми, везли приданое – одежду, посуду, Настины ружья со всей амуницией и много шкурок зверья разного. А еще – хороший мешочек золота. Это завсегда в хозяйстве пригодится.

Родители мужа встретили Настю настороженно. Долго разглядывали и что-то хмыкали себе под нос. Невестка младшего сына их разочаровала: невысокого росточка, худенькая (какая из нее работница-то?), не робкого десятка – вона как с вызовом смотрит, такая пресмыкаться и ходить тише воды, ниже травы не будет. Того и гляди, покрикивать начнет. Нет,

не такую они ждали помощницу в дом. Глазища-то какие! Так и полыхают! Ох, хлебнет с ней Василий горюшка!

А невестка и впрямь с норовом оказалась. Себя в обиду не давала, не огрызалась, но делала все не так, как хотелось свекрови.

Привез муж Настеньку из глухой тайги в Калужскую губернию. Большое село. Народу много. Детей в каждой избе хватает. Огороды у всех немаленькие. С утра до вечера на них пропадает вся семья – то прополка, то жуков убрать надо. Мужики сено косят, рыбу ловят. В каждом дворе свое хозяйство – живность разная. Вот и в семье мужа чего только нет: три коровы, две козы, лошадь, кур и уток хватает. А свекор еще и пчел в ближайшем лесу держит. Там его вотчина. С утра до вечера пропадает на пасеке.

Насте все это интересно. Она в тайге больше заготовкой шкур занималась, охотилась, травы да коренья разные собирала, вместе с матушкой и снадобья варила. Где в тайге лекаря найти? Самим надо знать и уметь, как рану подлечить, какой лист приложить, какую ягоду съесть можно и не отравиться. А здесь пришлось новую науку постигать – за огородом ухаживать да за живностью.

Через год Настасья сына родила. Как радовался Василий! Жену обнимал, миловал и целовал. Сыночка назвали Алешей – Алексей Васильевич. Хороший рос мальчонка – крепкий, смысленный, любознательный. Но пришла беда – отворяй ворота. Где-то Василий простудился. Поначалу кашлять

стал – так, легонечко. А потом все больше и дольше. Одышка появилась, слабость. Уговаривала его Настенька к ее родителям поехать – там травы известные, настои, снадобья матушка сделает. Вылечит зятя. Но родители Василия ни в какую – нет, и все. Пущай дома лежит. И попа в дом потихоньку ото всех приглашали, и к местной знахарке возили – ничего не помогло. В начале осени Василий помер. Как Настенька за ним убивалась... И вот тогда она себе слово дала – заберет сына и к своим родителям вернется! Негоже ей, нелюбимой и не обласканной свекром и свекровью, у них в прислуге оставаться.

Решила – да беда одна не ходит. Мор в деревне пошел. Один за одним стали от какой-то болезни помирать коровы, козы, лошади, а за ними и птица домашняя. Одним огородам сыт не будешь. И Настасья, никому не говоря, в один из дней просто исчезла из хаты. Родители мужа проснулись поутру от того, что Алешенька сидит на кровати и плачет навзрыд. А мамки-то нет. Где сноха?

Осерчала свекровь. Криком кричит, ругается. День нет, два, неделю... Все село судачит, что сноха Полунинская сбегала да сына бросила.

А через две недели Настенька объявилась. Как раз первый снежок выпал. Вышла свекровь поутру во двор – глядь, кто-то по огороду идет и что-то за собой тащит. Видно, что-то тяжелое. Пригляделась – ба! да это ж невестка пропавшая! Еле идет, но поклажу тянет. Бросилась свекровь в избу, му-

жа подняла да бегом к Насте. А та увидела их, остановилась и так медленно стала заваливаться вбок – выбилась из сил. А сзади, на импровизированных снях – и зайцы, и утки, и даже кабанчик небольшой, подстреленные. А сверху шкурки выделанные лежат горкой.

Подхватили Настасью, принесли в дом. А она машет – туда, в лес, на пасеку идите. Там еще разная живность подстреленная лежит. Надо забрать, а то волки за ней по следу шли, сожрут все.

Отдохнувшая, бодрая, Настя рассказала, что ушла на охоту. Да, не предупредила, сына оставила на родителей. Но по-другому нельзя было, они бы ее не пустили.

Всю осень и зиму Настя ходила на охоту, снабжала семью мясом и шкурками, которые очень хорошо продавались на ярмарках. И семья благодаря этому выжила. Зауважали после этого родители мужа Настеньку. А по весне Настасья вместе с двухлетним сыном отправилась обратно на родину. Неуютно ей было в чужой стороне без мужа любимого.

Родители-то как рады были, что дочка вернулась! Да не одна, а с внуком. Бабушка занялась воспитанием внука, а дочь с отцом продолжили заниматься охотой. Все бы хорошо, да здоровье отца пошатнулось. Годы брали свое. И тогда Настя приняла решение – брать с собой на охоту Алешеньку, постепенно учить выживать в тайге, быть терпеливым, собранным, внимательным. Он уже хорошо разбирался в марках охотничьих ружей, собирал-разбирал их с закры-

тыми глазами. И к своим семи годам даже неплохо научился стрелять из дедушкиного ружья. Огорчало только то, что в их артели не было школы. Настя сама не училась в школе, но грамоту знала да и считать умела. В охотничьем деле без этого никак. На ярмарке враз обдурят при продаже шкур.

По весне, когда охотничий сезон пошел на убыль, Настасья собралась в деревню, где была школа. Поговорила с ее директором насчет сына. Присмотрела домик в деревне для родителей, и в начале лета все семейство перебралось на новое место.

Поначалу тяжело привыкали Иван да Мария к новому месту. Все казалось чужим: и дом не тот, и соседи чуждые, и порядки в деревне отличные от артельских. Но потихоньку жизнь налаживалась. Алеша пошел в школу. А Настенька стала жить на два дома: артель охотничью не бросила и к родителям часто приезжала. На школьных каникулах забирала сына в тайгу, учила разным премудростям: как выслеживать добычу, терпеливо сидя в засаде; как выжить на охотничьей заимке в лютую зиму; как правильно самому разделать добычу, засолить и спрятать мясо так, чтобы волки, лисы да медведи не нашли; как ловить, солить, коптить и сушить рыбу в тайге; как выделывать и где хранить шкурки с ценным мехом... Да всего и не перечислишь.

Время летит быстро...

Июнь 1941 года. В доме Ивана суматоха. Внук Алешенька

заканчивает школу. Сегодня, 21 июня, выпускной бал. Сначала директор выступит с напутственным словом, вручение аттестатов (у внука золотая медаль, школу окончил с отличием), потом накроют столы в спортзале, а дальше – танцы...

По такому случаю Настя с сыном съездила в город – купили Алеше его первый костюм, белую рубашку с галстуком.

– Ма-ам... Ну что это такое... – Алексей смотрит на себя в зеркало и не узнает. Симпатичный высокий молодой человек отражается в глубине зеркала.

– Что не так, родной? Себя испугался?

Настасья смеется в голос, поправляет сыну галстук, рукой приглаживает непослушные вихры волос.

– Айда в парикмахерскую. Человека из тебя будем делать!

Домой мать и сын приезжают довольные покупками. И бабушке с дедушкой гостинцев привезли: тонкую шерстяную шаль с кистями маме и светло-голубую рубашку с брюками отцу. Все примеряют обновки, радуются. А Настеньке взгрустнулось. Вот бы Василий сейчас порадовался, глядя на сына. Эвон какой статный да ладный вырос парнишка. Скромный, целеустремленный, начитанный. А охотник какой славный! Белке в глаз попадает в полете с первого выстрела! Сын хочет уехать из деревни поступать в институт, в самую Москву нацелился – на ветеринара учиться. Как жизнь-то распорядилась, глядь...

Вот и отгуляли выпускной... Под утро молодежь под гармошку разошлась по домам.

И тут как гром средь ясного неба. Из репродуктора, что висит на столбе в центре деревни, вместо веселых воскресных песен раздалось:

– От Советского информбюро! Сегодня, 22 июня 1941 года, немецкие войска нарушили границу Советского Союза и напали на города Брест...

Толпа бежала к репродуктору, а в воздухе уже витало – война! Люди сначала слушали молча, а потом все разом загомонили, закричали, женщины заплакали... Мужчины молча крутили сигарки и почему-то шепотом говорили: «Вот едрить твою в корень! Немчура поганая. Все-таки война!» Диктор все говорил и говорил, повторяя информацию. А народ метался, не зная, что делать.

– Сынок! Вставай! Война!!! Слышишь меня?

– А? Что?

– Война, говорю... Горе-то какое...

Настя робко присела на край табурета, вытирая уголком платка катившиеся слезы.

Алешка подскочил с печи. Дед с бабкой еще не пришли с улицы, они с соседями обсуждали услышанную новость.

Объявили всеобщую мобилизацию. В каждой семье, где имелись мужчины призывного возраста, переполох. Еще никто не понимал, какая она будет, эта война. Далеко ли враг вторгся на территорию нашей Родины? Скоро закончится или надо брать и теплые вещи?

– Мама, деда! – закричал Алеша, вбегая в избу, – я за-

писался добровольцем! Завтра всех отправляют в райцентр, а оттуда поездом – на фронт!

Бабушка громко охнула и стала медленно сползать по стенке.

– Как же так, сынок? Ты ж у нас один?

– Ба, не волнуйся! У нас все мальчишки класса записались на фронт!

– Да тебе ж только 17!

– Это ерунда! Главное – взяли! Я еду!

Довольный внук не понимал, почему в доме вдруг стало так тихо...

– Ек-макарек! – дед громко, со всего размаху стукнул по столу, – а ну, бабы, быстро все на стол! Внука будем провожать! Он у нас герой! Не стал прятаться за мамкину юбку – мол, мал еще!

Женщины засуетились, забегали.

Утром пятнадцать подвод с новобранцами и провожающими отбыли в райцентр. На перроне суматоха. Не поймешь – кого провожают, кто провожающий. Там навзрыд рыдают, рядом стоят нервно курят самосад и молча обнимают новобранцев, в углу несмело тренькает гармонь и чей-то тоненький голосок пытается завести грустную песню. Алексею в сотый раз повторяют, что положили ему с собой в вещмешок, что надо съесть в первую очередь, какие теплые вещи, чтобы не потерял, обязательно прислал адрес, куда писать письма... Алешка слушает вполуха. Ему интересно, что

и как происходит на перроне. Он усиленно машет головой в разные стороны. И тут вдруг мама: «Сынок! Лешенька! Положи в нагрудный карман. Это крестик твой нательный деревянный да кусочек шкурки медвежьей – оберег. На нем наши знаки родовые. Ты смотри, никому не показывай. Носи с собой везде, слышишь меня?»

Алексей вдруг увидел мамин встревоженный взгляд, бабушкины дрожащие руки, обнимающие его, деда влажные от набегающих слез глаза...

– Мама, я вернусь! Слышишь? Я обязательно вернусь!

И тут протяжный крик:

– По ва-го-нам!!!

Пару секунд тишина и ...еще громче запричитали бабы. Уже не стесняясь ревут в голос. А новобранцы отмахиваются от последних объятий, поцелуев и рвутся к вагонам. Состав начинает движение... И вот уже женщины, бабушки, дедушки, ребятня бегут вдоль поезда, все кричат, машут руками, платками. А новобранцы вытягивают шеи и пытаются запомнить такие любимые лица родных...

Начались тяжелые военные будни. Женщины заменили мужчин – сели на трактора, научились пахать землю, сеять, растить, собирать, молотить зерно. Вспомнили, как прясть пряжу, ткать полотно, шить белье для фронта. Валяли валенки, вязали и шили из кожи теплые варежки, шапки, шарфы. А еще старались заготовить как можно больше пушни-

ны. Шкурки ценились очень высоко.

Настя буквально жила в тайге. Появлялась домой, чтобы помыться да поспать несколько часов. Она занималась заготовкой пушнины, мяса диких кабанов, оленей. Глаза от недосыпа ввалились, кожа огрубела от постоянного нахождения на воздухе в любую погоду, одежда на женщине болталась, как белье на вешалке. Но Настя трудилась как одержимая.

Наступил 1943 год. Зима выдалась свирепой, даже лютой. Таких промозглых ветродуев не помнили даже старожилы. Снежная крупа буквально валила с ног. Зверье попряталось в норки, дупла деревьев, закопалось в снег, пережидая непогоду. Настасья дома с родителями пряла пряжу. Ждала, когда же утихнет свистящий, пронизывающий ветер, чтобы выйти на свою основную работу.

В окошко сильно постучали. Один раз, второй. Сердце женщины гулко забило в предчувствии беды. Так мог стучаться только один человек – почтальон.

Матушка, подслеповато щурясь, вышла в сени.

Настя не ошиблась. В избу вслед за Марьей ввалился покрытый инеем, замерзший, укутанный в тулуп по самые глаза почтальон. Сняв колом стоящие рукавицы, он скрюченными пальцами полез в сумку. Молча, долго, очень долго, как показалось молодой женщине, что-то настойчиво искал. Наконец, не глядя Насте в глаза, протянул ей конверт и рывком стянул меховую шапку.

– Вот, – глухо промолвил почтальон и, не дожидаясь при-

глашения, присел на лавку.

Анастасия, уже умом понимая, что беда пришла в дом, охнула, аккуратно двумя пальцами взяла конверт, подписанный чужим почерком, и с мольбой посмотрела на отца.

– Читай... Это, наверное, от Алешеньки...

Почтальон еще ниже опустил голову. Марья стала пятиться к печке, боясь зайти в крике. Она тоже почувствовала беду, которая, как хозяйка, не стесняясь, вошла к ним в дом.

– Мама, не могу, – сиплым голосом еле слышно прошептала Настасья.

Дед Иван взял конверт из дрожащей руки дочери, развернул и начал тихо читать.

– Ваш сын, лейтенант Алексей Васильевич... пал смертью храбрых в боях под разъездом Обнинским Калужской области. Место захоронения не известно.

Дальше Настя уже не слышала. В чем есть, она выбежала из избы и понеслась вдоль улицы. И ветер – до этого неистовующий, злой, колющий, ослепляющий – вдруг угомонился. Он, как побитая собака, аккуратно, тихонько, мелкими шажками бежал позади Настеньки. И тихонько подвывал. Горе – оно везде горе. Природа тоже это чувствует.

Вконец окоченевшая, женщина из последних сил добрела до заимки. Там упала на лавку и закрыла глаза. Слез не было. Только люта злость, ненависть к тем, кто насовсем забрал от нее ее единственную кровиночку, сына Алешеньку. И тут Анастасия закричала в голос. Это была боль. Материнская

боль. Оглушительный звук метался по всей избе, рикошетом отскакивал от промерзших стен и возвращался обратно. В этом крике смешалось все: ярость, сожаление, дикое желание голыми руками удавить всех фашистов и безутешная, безграничная любовь к убитому сыночку.

Родители нашли дочь на заимке без сознания.

Утрату, гибель сына и внука семья перенесла стойко. Настя через два дня отправилась в райцентр. За спиной у нее висел вещмешок с необходимыми вещами, а в глазах плескалась решимость бить фрицев. Анастасия была зачислена в школу снайперов.

Войну она закончила в Берлине. Вся грудь в орденах и медалях. Три ранения, серьезных. Но после госпиталей Анастасия Ивановна вновь возвращалась в строй, в свой родной полк.

Вернувшись в родное село, нашла свой заколоченный крест-накрест досками дом. Никто не ждал, не выходил на крыльцо встречать. Рядом с Анастасией Ивановной стояли трое ребятишек и прижимались к ней, как могли, испуганно оглядываясь.

– Бабы, смотрите! Настасья вернулась!

Соседка выскочила из ворот и со слезами бросилась к стоящей у нежилой избы женщине с детворой.

– Твои, что ли?

– Теперь мои! Самые родные!

Из других изб стали подходить сельчане. Все говорили разом, громко, оглядывали Настю и пытались погладить малышей.

– Худые-то какие. Что ж ты их, не кормишь, что ли?

– Да из лагеря они. Над ними фашисты опыты ставили. Вот теперь мои. Два брата и сестренка.

Толпа враз утихла.

– Люди! Да как же это? Да разве ж можно так над детьми-то?

Бабы подхватили на руки детей, Настю под локотки и повели в соседский дом.

– Ты не волнуйся, доченька! Откормим! Всех поднимем на ноги. Всем миром поможем.

Женщины все разом неожиданно разошлись, но уже через несколько минут вернулись. Принесли одежду детям, обувь, а еще накрывали стол для всех: домашние яйца, сало, квашеная прошлогодняя капуста, духмяный румяный хлеб, зеленый лук. Вот уже и горячая рассыпчатая картошка подспела.

Ребятню умыли, первым делом накормили и уложили всех троих спать на печи. А Настя все разговаривала и разговаривала с односельчанами.

– Родители твои, Анастасия, царствие им Небесное, как только ты ушла на фронт – так и преставились. Разом померли. Так рядом их и похоронили. Завтра сходим на кладбище. Поговоришь со своими. А за избу не беспокойся. Мужики,

кто с войны вернулись, быстро тебе дом в порядок приведут. И баньку, и сарай поправят. Про живность не беспокойся. Деревня вона какая большая. Соберем тебе хозяйство, чтоб было чем ребяtnю кормить.

– А ты чем собираешься заниматься-то?

– Да я лучше всего стрелять-то и умею. Только кому я теперь ребяtnю оставляю? За ними присмотр нужен. Уйду я в тайгу – а как ребята справляться будут?

– Не думай про это, Анастасия Ивановна. Женщины все по очереди с твоими детишками нянчиться будут. Помогать друг другу надобно. Во как!

На том и порешили. Тимофей – 8 лет, Мирон – 6 лет, Танюшка – 4 годика в одночасье стали родными для всей деревни.

...Прошло время. Тимофей, Мирон и Танюшка подросли, окрепли. В школу пошли. Во всем стали помогать матери (Анастасию стали называть мамой). И воды в дом натаскают, и за скотиной ухаживают, и на огороде лихо управляют. В избе на видном месте висит большая фотография Алеши. Дети знают, что это их старший брат. Мама про него много рассказывала.

В 1965 году Анастасия Ивановна вместе с детьми приехала в город Обнинск. Ей очень хотелось посмотреть места, где воевал ее старший сын. Был составлен маршрут по местам кровопролитных боев за освобождение Обнинска. Но сна-

чала было решено сходить в местный музей. Больше всего Анастасию заинтересовали материалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны. Она подолгу стояла перед экспонатами, собранными на полях сражений. Было желание потрогать каждую находку руками, ощутить холод металла. Перед глазами женщины вставали отрывки ее войны, ее трофеев, лица погибших однополчан.

– Может, воды? – участливо спросила сотрудница музея, протягивая ей стакан.

– Да, спасибо! У меня сын здесь погиб. Совсем еще мальчишка...

– А вы видели артефакты, которые нашли юные поисковики на местах сражений? Вот истинно подлинные и по-настоящему ценные образцы предметов, найденных при раскопках. Пойдемте со мной. Этот стенд еще окончательно не готов, но вам я его покажу...

Анастасия на ватных ногах двинулась следом. В голове пульсировала только одна мысль – сейчас, вот именно здесь она найдет то, что успокоит ее душу и сердце. После чего она перестанет каждую ночь просыпаться в холодном поту и скрежетать зубами.

– Сюда, пожалуйста, к этому столу. Здесь еще нет витрины, все лежит в открытом доступе...

Экскурсовод не успела договорить, как женщина рванулась к столу и ...замерла. Взгляд метался от одного экспоната к другому: вот пробитая каска; простреленная и залитая

кровью гимнастерка; вот выцветшая фотокарточка на комсомольском билете; письмо, не дописанное перед боем.

И вдруг! Гулко, набатом застучало сердце, перехватило дыхание, глаза застлала пелена слез и крупные капли упали на экспонаты.

– Сынок!!! – выдохнула Анастасия Ивановна, – вот я и нашла тебя...

Женщина медленно опустилась на колени. Дрожащей рукой взяла со стола деревянный крестик, поцеловала его и перевернула. На обороте было выцарапано слово «Бог». А рядом лежал кусочек шкурки медведя. Посередине – пулевое отверстие. А на тыльной стороне когда-то белыми, полуистлевшими нитками было вышито солнце и уже совсем не видные другие обереги.

Тимофей, Мирон и Татьяна тихо стояли в стороне, боясь потревожить маму.

А она баюкала в руках вещи сына, которые лично отдала ему на перроне перед отправкой на фронт, и что-то ласковое шептала им. Слезы безмолвно катились по щекам, но женщина ничего не замечала. Это был разговор матери и сына, которого она ждала столько лет с войны, несмотря на похоронку.

– Алешенька! Я нашла тебя! Родной мой, любимый... Я здесь. Я с тобой.

Сотрудники музея аккуратно, тихо вывели всех посетителей из музея и позвонили руководителю поискового отряда,

нашедшего эти экспонаты. Игорь Степанович приехал сразу. Он вошел в зал. Подошел к стоящей на коленях женщине и вложил ей в руки целую охапку алых гвоздик.

Анастасия Ивановна от неожиданности резко встала. У нее закружилась голова, и Игорь Степанович крепко схватил ее за руку.

– Пойдемте, я покажу вам могилу сына.

Поисковый отряд Обнинска собирал военные трофеи, личные вещи солдат, предметы быта тех, кто героически сражался за освобождение города. А останки найденных воинов были перенесены и захоронены в городе, в братской могиле. На месте захоронения был установлен памятник – большой камень, на котором было выгравировано: «Спите спокойно. Ваш подвиг не забыт». Именно на этом месте в 2020 году будет установлена инсталляция «Журавли». В память о мужестве всех безымянных солдат, погибших на той далекой войне. Ведь именно журавли спасают души солдат, унося их ввысь, где нет боли и горечи, страданий и мучений...

Именно сюда, к этому памятнику, ежегодно станет приезжать Анастасия Ивановна с детьми. А когда наступит срок уйти вместе с журавлями в небо и Настеньке, то Тимофей, Мирон и Татьяна продолжат семейную традицию.

Теперь уже они со своими семьями, детьми, внуками чтят память тех, кто не вернулся с той, такой далекой и близкой, войны. Память народную нельзя истребить. Нельзя забыть тех, кто отдал свою жизнь во имя нашего мирного неба.

Справка об объекте

**Инсталляция «Летят журавли»,
Россия, г. Обнинск,
между домами №12 и 14 по проспекту Ленина**

В наукограде, между домами №12 и 14 по проспекту Ленина, открыли инсталляцию «Журавли», подаренную городу ГК «Росатом». Памятник представляет собой сделанные из композитов пятиконечные звезды, которые постепенно превращаются в силуэты летящих журавлей. Как сообщает пресс-служба администрации Обнинска, композицию установили на месте бывшего захоронения солдат времен Великой Отечественной войны.

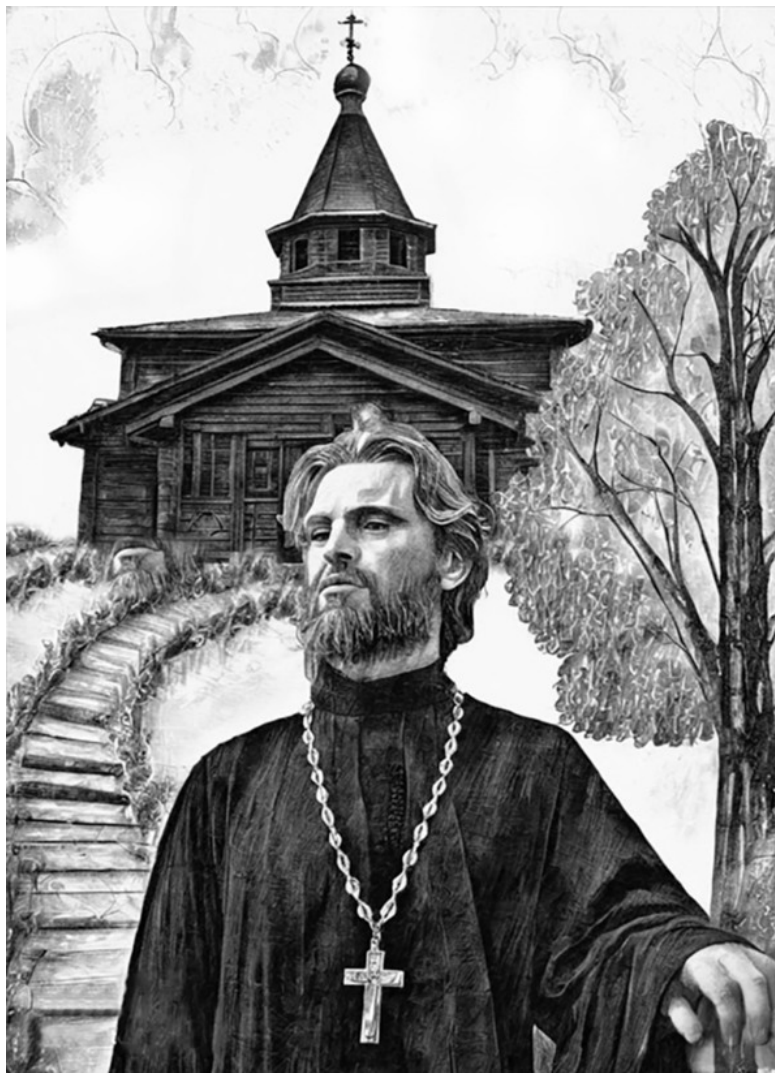
Этот мемориал был открыт в 2020 году и приурочен к 75-й годовщине Великой Победы.

Это звезды героев, поднимающиеся в небо и постепенно превращающиеся в клин улетающих в небо птиц. Памятник безымянным защитникам нашей Родины. Красные воинские звезды, символизирующие души павших воинов...

Никто не забыт. Ничто не забыто.

Здесь были захоронены останки 21 воина. На сегодняшний день они перенесены на территорию мемориального комплекса «Вечный огонь».

Источник: http://www.admobninsk.ru/news/2020/10/30/news_20108.html

Исповедь врача

Андрей Туркин

Поздний вечер опустился на Обнинск мягкой дымкой, подсвеченной россыпью городских огней. В березовой роще, что раскинулась на территории Медицинского радиологического центра, царил полумрак, лишь изредка прорезаемый светом фар проезжающих мимо машин. Но деревянные стены церкви святителя Луки будто отталкивали от себя сумрак, излучая теплое янтарное сияние. Оно лилось из окон с резными ставнями, отбрасывало на свежевывавший снег причудливые тени тонких ветвей берез.

Внутри храма, под сводами, пахнущими деревом и ладаном, горели свечи, отбрасывая дрожащие блики на иконы в потемневших от времени окладах. Тихий шепот молитвы, почти не различимый в полутьме, словно растворялся в воздухе, пропитанном покоем и умиротворением.

В маленькой молельной комнате, примыкающей к храму, за столом, покрытым вышитой скатертью, сидели двое. Молодой врач Андрей, только закончивший смену в отделении радиологии, и отец Михаил – пожилой священник с пронзительным взглядом карих глаз, обрамленных сетью морщинок. Андрей, потирая уставшие глаза, рассеянно смотрел в окно, на здание МРЦ, которое даже в поздний час сияло

огнями. Отец Михаил, отхлебнув горячего чая из кружки с изображением Троице-Сергиевой лавры, с тихой улыбкой наблюдал за ним.

– Задумался, Андрей? – голос священника прозвучал мягко, разбивая тишину, царившую в комнате. – Тяжело сегодня было?

– Да как сказать, отче... – Андрей вздохнул, проведя рукой по коротко стриженным волосам. – И тяжело, и... даже не знаю, как объяснить. Вот смотришь на все это и думаешь: ну неужели зря все это? Вся эта борьба, вся эта боль...

Он махнул рукой в сторону окна, за которым в темнеющем небе чернел силуэт Медицинского центра. Продолжение фразы повисло в воздухе, и Андрей, заметив вопросительный взгляд священника, поспешил объясниться.

– Я про работу, конечно. Сегодня вот парня одного привезли, совсем молодой еще. Онкология... Поздно обратились, шансов почти нет. И вот смотришь на него, слушаешь, как мать его рыдает, и думаешь: а ради чего все это? Ну вылечим мы его – а дальше что? Жизнь-то она ведь не только из больниц состоит. Она вон там, – Андрей кивнул в сторону окна, за которым вдалеке, размытые дождем, мерцали огни вечернего города.

Отец Михаил молчал, внимательно слушая молодого врача, и только пальцы его бесшумно перебирали четки с маленькими деревянными бусинами.

– Так вот ты про что, Андрей, – медленно проговорил отец

Михаил, отставляя в сторону пустую кружку. – Про смысл, значит, спрашиваешь? А где ж его искать, этот самый смысл? В больничных стенах?

Священник поднялся из-за стола и подошел к окну, заложив руки за спину. Андрей молча наблюдал за ним. Отец Михаил часто так делал – начинал свою «проповедь», как шутя называл их Андрей, с какого-нибудь обыденного действия.

– Вот смотри, – отец Михаил показал в сторону окна, за которым в сумраке еле угадывались силуэты деревьев. – Березы видишь? Сколько лет они здесь растут, знаешь?

– С самого основания центра, наверное. Лет пятьдесят, не меньше, – пожал плечами Андрей.

– Вот именно. А подумать только, сколько всего они на своем веку повидали. И радость, и горе, и боль, и надежду. Сколько людей прошло мимо них, сколько слез пролито под их кронами. А они все стоят, молчат. Только листьями шелестят на ветру да ветви склоняют.

Отец Михаил повернулся к Андрею, и в глазах его блеснули хитрые искорки.

– Знаешь, Андрей, мне кажется, что деревья, они вообще многое знают. Только молчат вот так, ничего не говорят. А ты попробуй их послушать. Может, и поймешь тогда, где этот самый смысл искать. В жизни, в вере, в помощи ближнему...

Он замолчал, снова повернувшись к окну, а Андрей за-

думался. Слова священника, казалось, намекали на что-то важное, но что именно он имел в виду, молодой врач пока не понимал.

– А помнишь ты Анатолия Ивановича Цыба? – неожиданно спросил отец Михаил, прерывая молчание.

– Академика Цыба? Конечно, помню. Это же благодаря ему у нас эта церковь появилась. Говорят, он сам идею ее строительства пробил, – Андрей кивнул в сторону храма. – Непросто ему это далось, наверное. В те времена не все понимали, зачем в больнице церковь.

– Непросто, – согласился отец Михаил. – Но он верил, что это нужно. Верил, что вера может помочь даже тогда, когда медицина уже бессильна. И ты знаешь, Андрей, я тебе скажу, он был прав.

Отец Михаил вздохнул, снова перебирая четки в руках, и Андрей почувствовал, что сейчас священник расскажет ему что-то очень важное. Что-то, что поможет ему найти ответы на мучившие его вопросы.

– Я ведь, знаешь ли, Андрей, не всегда священником был, – отец Михаил присел обратно к столу, бережно поставив чашку на кружевную салфетку. – Всю жизнь в медицине проработал, здесь же, в МРЦ. Хирургом был, представляешь?

Андрей удивленно посмотрел на священника. Он, конечно, знал, что отец Михаил не с юности в рясе ходит, но как-то не задумывался о его прошлом. Старый священник, с его

тихим голосом и размеренными движениями, казался ему неотделимым от церковных стен, от запаха ладана и воска.

– Неужели? – только и смог выдавить из себя Андрей.

Отец Михаил усмехнулся, словно прочитав его мысли.

– Да-да, хирургом. И хорошим был хирургом, если хочешь знать. Руки у меня, знаешь ли, всегда были – что надо. Золотые руки, говорили. Сколько жизней спас, не сосчитать.

Он замолчал, взгляд его, словно сквозь стену, был устремлен куда-то вдаль. Андрей не решался нарушать молчание, чувствуя, что отец Михаил вот-вот скажет что-то важное.

– А потом... – священник резко выпрямился, снова встретившись взглядом с Андреем. – Потом пришло оно. Сомнение. Нет, не думай, я не о вере говорю. С верой у меня все в порядке было. Я о другом. О том, что мы, врачи, хоть и боремся за каждую жизнь, но победить судьбу не в силах. И вот смотришь ты на человека, который еще вчера смеялся, жил полной жизнью, а сегодня... Сегодня он уже понимает, что этот бой он проиграл. И что ты ему скажешь? Как успокоить?

– Но ведь вы же помогали людям, отец Михаил! – воскликнул Андрей, не в силах сдержать эмоций. – Вы же делали все что могли!

– Делал, – тихо согласился священник. – Всегда делал. Но иногда этого мало, понимаешь? Иногда нужно что-то еще. Что-то, что поможет человеку не сломаться, не потерять себя перед лицом смерти. И я понял, что одной медициной

тут не обойтись. Нужна вера. Надежда. Любовь.

Отец Михаил встал и медленно прошелся по комнате, остановился у икон, висевших в красном углу. Андрей молча наблюдал за ним, чувствуя, как в душе его что-то меняется. словно он начинает видеть то, что раньше было скрыто от его глаз.

– Я долго искал себя, Андрей, – продолжил отец Михаил, снова садясь напротив молодого врача. – Искал тот путь, на котором мог бы приносить людям настоящую пользу. И нашел. Здесь, в этой церкви. Здесь я могу дать людям то, чего не мог дать в операционной. Надежду. Веру. Утешение.

– Но ведь вера – это так... эфемерно, – пробормотал Андрей, неожиданно для себя ощутив желание спорить. – Как она может помочь там, где бессильна медицина?

Отец Михаил улыбнулся, и Андрей впервые заметил, как много тепла и доброты в этой улыбке.

– А ты не верь на слово, Андрей, – сказал он, глядя молодому врачу прямо в глаза. – Ты просто посмотри вокруг. Посмотри на людей, которые приходят сюда. Послушай их истории. И тогда, может быть, ты поймешь, что вера – это не эфемерность, а реальная сила. Сила, которая способна творить настоящие чудеса.

Отец Михаил замолчал, задумавшись о чем-то своем, и Андрей невольно отвел взгляд, начав рассматривать узоры на скатерти. Слова священника отозвались в нем непри-

вычным теплом, но в то же время вызвали какую-то смуту, разбудили рой вопросов, на которые он не находил ответов. Неужели вера действительно способна на то, о чем говорил отец Михаил? Неужели она может быть помощницей в борьбе с болезнью, со смертью?

Андрей вспомнил недавний случай в отделении. Молодая женщина, едва перешагнувшая тридцатилетний рубеж, легла в клинику с диагнозом, который звучал как приговор. Он и сам видел результаты обследования – шансов практически не было. Но женщина эта не сдавалась. Каждый день, превозмогая боль, она улыбалась, шутила с медсестрами, а по вечерам, когда в отделении становилось тихо, доставала из-под подушки маленькую иконку и долго молилась. Андрей тогда не придавал этому значения – мало ли во что верят люди перед лицом смерти. Но сейчас, слушая отца Михаила, он вдруг подумал: а что, если именно вера помогала этой женщине держаться, не позволяла ей погаснуть раньше времени?

Отец Михаил, словно прочитав его мысли, тихо продолжил:

– Понимаешь, Андрей, вера – она ведь не только в молитвах и свечах. Она – внутри нас. В нашей способности любить, сострадать, помогать друг другу. В нашей вере в то, что даже в самой темной ночи есть место для звезды.

Он привстал и подошел к окну, его взгляд устремился к церкви, что тихо сияла среди деревьев.

– Помню, прихожу я как-то в храм, а там мужчина один

стоит, у иконы святителя Луки. Лицо измученное, глаза красные от слез. Я к нему подошел, спрашиваю: «Что случилось, чадо? Чем помочь могу?» А он рассказывает, что жена у него тяжело больна, здесь же, в МРЦ лежит. Врачи уже ничего не обещают, говорят, надежда только на чудо. И вот он пришел сюда, в храм, помолиться за нее.

Отец Михаил вернулся к столу и снова сел напротив Андрея. В глазах его светилась грусть, но в то же время какая-то непоколебимая вера, которая заставила Андрея затаить дыхание.

– Я тогда сказал ему: «Знаешь что, брат? Ты не просто стой здесь, у иконы. Ты иди к жене своей, обними ее, скажи, как ты ее любишь, как она тебе дорога. И верь. Верь в то, что она поправится. Ведь вера, она порой сильнее любых лекарств».

Михаил замолчал, а Андрей затаил дыхание, ожидая продолжения. Интонация священника, обычно ровная и спокойная, сейчас звучала взволнованно, и молодой врач почувствовал, что сейчас услышит что-то очень важное.

– И ты знаешь, Андрей, он послушал меня, – тихо продолжил отец Михаил. – Пошел к жене, провел с ней весь день. А на следующий день прибегает ко мне весь сияющий, глаза блестят. «Отче, – говорит, – чудо! Врачи в шоке! Анализы улучшились, жена в себя приходит!» И я тебе скажу, Андрей, я тогда понял: чудеса действительно бывают. Только творят их не святые и не врачи. А любовь. Вера. И надежда. Вот что

настоящая сила, Андрей. Запомни это.

Андрей молчал, пораженный рассказом отца Михаила. Слова священника, казалось, рассеяли мрак сомнений, что давно жил в его душе.

– Спасибо вам, отец Михаил, – тихо проговорил Андрей. – Я... я многое сегодня понял.

– Не надо благодарить, – улыбнулся священник, кладя руку на плечо молодому врачу. – Просто помни об этом, Андрей. Помни, что даже в самой сложной ситуации есть место для чуда. И что порой именно вера становится тем самым лекарством, которого так не хватает.

Они еще некоторое время стояли молча, наблюдая, как в темноте мерцают огни города. Каждый думал о своем, но обоих объединяло одно – вера в то, что даже в самом сердце боли и страданий всегда есть место для надежды и любви.

– Ну что же, Андрей, – отец Михаил повернулся к двери, – пора и честь знать. Тебе еще отдыхать перед сменой.

– Да, вы правы, – Андрей кивнул, следуя за священником. – Спасибо вам еще раз за разговор, отец Михаил.

Они вышли из молельной комнаты и направились к выходу из храма. В полумраке церкви все так же горели свечи, отбрасывая причудливые тени на стены и иконы. Андрей остановился на пороге, вдыхая запах ладана и теплого дерева, и в этот момент ему показалось, что он оставляет здесь, в стенах этого старого храма, часть своих сомнений и страхов.

Выйдя на улицу, Андрей с удивлением обнаружил, что небо уже начало светлеть. Над городом, все еще погруженным в сон, разгоралась заря, обещая новый день, новые встречи, новые испытания и новые надежды. Андрей взглянул на церковь святителя Луки, которая в лучах восходящего солнца казалась особенно хрупкой и беззащитной среди громоздких корпусов больницы. «И все-таки она стоит», – подумал Андрей, и в этой мысли было что-то успокаивающее, дающее силы и уверенность в будущем.

Справка об объекте

**Обнинский храм
во имя святителя Луки Крымского,
Россия, г. Обнинск, ул. Королева, д. 4**

Храм находится на территории Медицинского радиологического научного центра РАМН в г. Обнинске. Это первый больничный храм в первом наукограде России. С инициативой его возведения около десяти лет назад выступил известный российский ученый, директор МРНЦ РАМН академик Анатолий Цыб.

Закладной камень храма освящен архиерейским чином митрополитом Калужским и Боровским Климентом 8 января 2007 года. 30 мая 2010 года митрополит Климент совершил чин великого освящения храма и первую литургию.

При храме имеется временная молельная комната в здании второй клиники Медицинского радиологического научного центра г. Обнинска. Комната освящена иерейским чином 15 мая 2007 года. В ней совершаются таинства причащения, соборования, покаяния и служатся молебны для сотрудников и пациентов Медицинского радиологического научного центра.

Источник: <https://drevo-info.ru/articles/26774.html>

Реставрация души

Павел Лебедев

Ночной сторож музея истории города Обнинска, Семен Петрович, сторбленный грузный мужчина лет шестидесяти, двигался по полутемному коридору музея, мягко ступая стоптанными войлочными тапочками. Лунный свет, пробиваясь сквозь узкие окна, выхватывал из темноты запыленные витрины с древними артефактами, отбрасывал на пол причудливые тени. Казалось, каменные наконечники стрел и глиняные черепки, хранящие тайны веков, наблюдают за ним с молчаливым неодобрением.

Он всегда надевал эти тапочки, приходя на ночное дежурство в музей. Говорил, что так чувствует себя ближе к истории, ступая по тем же половицам, что и люди, жившие столетия назад.

«Глупости все это, конечно, – думал про себя Семен Петрович, поправляя съехавшую на лоб фуражку. – Какие могут быть „ближе“, когда между нами пропасть в сотни, а то и тысячи лет?..»

Он остановился у массивной дубовой двери, ведущей в зал XIX века, и привычно поморщился. Дверь эта была его ночным кошмаром – стоило в музее установиться тишине, как она начинала свой тоскливый скрипучий концерт. Скрип

этот, казалось, проникал под кожу, заставлял нервно вздрагивать и оглядываться по сторонам.

«Завтра, непременно завтра смажу петли», – в который раз пообещал себе Семен Петрович, бросив на дверь полный укора взгляд.

Он уже собирался идти дальше, как вдруг скрип, обычно тихий и размеренный, резко оборвался. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Семен Петрович замер, сжимая в кармане связку ключей. Тишина эта пугала его куда больше привычного скрипа. В ней чувствовалось что-то неестественное, неправильное.

«Наверное, сквозняк», – попытался успокоить себя Семен Петрович, но сам не поверил своим словам. Сквозняков в этом крыле музея отродясь не водилось.

Сердце Семена Петровича забилося чаще. Он прислушался, боясь пошевелиться. Тишина. Лишь где-то вдалеке мерно тикали старинные часы, отсчитывая время.

«Показалось, наверное», – подумал Семен Петрович, но неприятное предчувствие, ледяной змеей обвившееся вокруг сердца, не отпускало.

Он медленно, стараясь не производить ни звука, подошел к дубовой двери и приложил ухо к холодному лакированному дереву. Тишина. Семен Петрович уже собирался было повернуть обратно, как вдруг услышал тихий, еле уловимый звук, похожий на вздох. Он задержал дыхание, вслушиваясь. Вздох повторился, за ним еще один, и еще... Звуки доноси-

лись изнутри, из зала XIX века.

«Неужели крысы?..» – мелькнула мысль, но Семен Петрович тут же отогнал ее. Крыс в музее травили с особым тщанием, да и не были эти вздохи похожи на крысиную возню.

Любопытство боролось в нем со страхом, и, в конце концов, первое победило. Он осторожно толкнул дверь. Петли, что удивительно, не издали ни звука. Дверь поддалась, открывая проход в полумрак зала.

Семен Петрович заглянул внутрь. Зал был погружен в полумрак, лишь из окна пробивался тусклый свет луны, выхватывая из темноты тяжелые рамы картин. В воздухе витал необычный запах – смесь пыли, старой бумаги и еще чего-то неуловимого, что мужчина не мог определить.

«И что меня сюда понесло?..» – подумал он, но отступить было поздно.

Семен Петрович, сжав в руке ключ, словно кинжал, ступил в зал. Под ногами мягко просел старый паркет, привыкший к осторожным шагам посетителей и предательски скрипнувший под тяжестью сторожа. Он поежился, оглядываясь по сторонам.

Зал XIX века был его любимым. Здесь была особая атмосфера – благородства, изысканности, утонченности. Портреты мужчин в строгих сюртуках и дам в пышных платьях смотрели с высоты, каждой деталью своего облика говоря о духе прошедшей эпохи. Семен Петрович любил рассматривать эти лица, пытаясь угадать в них характеры, судьбы,

секреты.

Но сегодня что-то было не так. Портреты казались какими-то тусклыми, безжизненными. И тишина... Гнетущая, тяжелая тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов и биением собственного сердца, заставляла нервничать.

Он прошел вдоль стены, затем еще раз оглядел зал. Никого. «Показалось...» – с облегчением подумал Семен Петрович и уже хотел было уходить, как вдруг его взгляд упал на один из портретов в дальнем углу зала.

На этом портрете, не отличающемся особой художественной ценностью и обычно остававшемся без внимания посетителей, был изображен молодой мужчина в черном сюртуке. В руках он держал палитру и кисть, а его взгляд, устремленный куда-то вдаль, был полон надежды и тревоги. «Художник Петр Иванович Смирнов, 1810—1842», – гласила надпись на табличке под портретом.

Семен Петрович не знал, почему именно на этом портрете он остановил свое внимание. Возможно, дело было в том, что взгляд художника сегодня казался каким-то другим – не столь мечтательным, скорее встревоженным, даже испуганным.

Он сделал несколько шагов в сторону портрета и вдруг с ужасом понял, что взгляд художника... следит за ним. Куда бы он ни двигался, глаза на портрете неотрывно смотрели на него.

Холодный пот выступил на лбу у старика. «Бред ка-

кой-то», – пробормотал он, протирая глаза. Но когда он снова посмотрел на портрет, сомнений уже не было. Художник на портрете живой. Он смотрел прямо на него и бесшумно шевелил губами, словно пытаясь что-то сказать.

Семен Петрович стоял как громом пораженный, не в силах отвести взгляд от портрета. Страх сковал его ледяными тисками, не давая пошевелиться. Сторож пытался убедить себя, что это все игра света и тени, усталость, в конце концов, но здравый смысл, до этого не подводивший его, на этот раз молчал.

Вдруг губы молодого человека на портрете зашевелились более отчетливо, и Семен Петрович, к своему неописуемому ужасу, понял, что слышит голос. Тихий, хриплый, словно доносящийся из глубины веков, но вполне разборчивый голос.

– Помогите... – прошептал художник с портрета.

Семен Петрович отшатнулся, словно от удара. Ключи с звоном упали на пол. Он хотел было кричать, звать на помощь, но горло сжалось спазмом, и он смог выдавить из себя лишь жалкий сип:

– К-кто здесь?..

– Это я... Петр... – прошелестел голос с портрета. – Помогите мне...

Сторож, преодолевая страх, сделал шаг вперед. Он уже не сомневался в том, что слышит голос человека с портрета, и это открытие, противоречащее всем законам логики и здравого смысла, странным образом придало ему сил.

– Как... как я могу вам помочь? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

На портрете ничего не изменилось – художник по-прежнему смотрел на него с мольбой и надеждой.

– Меня забыли... – прошептал он. – Мое искусство... оно никому не нужно...

Семен Петрович нахмурился. Он не понимал, о чем говорит художник. Его картина, хоть и не отличалась особой художественной ценностью, занимала свое место в экспозиции музея, как и положено. В чем же дело?

– Но ваша картина... она же в музее... – растерянно пробормотал старик.

– Этого недостаточно... – прошелестел голос с портрета. – Меня нужно помнить... Мое искусство... оно должно жить... Помогите мне... Расскажите обо мне... Покажите мои картины миру...

Голос художника становился все тише и тише, словно он устал говорить. На портрете появились тени, и казалось, что сам художник меркнет на глазах.

Семен Петрович смотрел на угасающий на глазах портрет и чувствовал, как в его душе поднимается волна сочувствия. Он не мог объяснить, как это возможно, но он верил художнику, верил в его боль и отчаяние. И в этот момент он, сам того не ожидая, принял решение.

– Я помогу вам, – твердо сказал Семен Петрович, и собственный голос, лишенный и тени страха, прозвучал для

него неожиданно громко в тишине зала.

Портрет на мгновение словно бы посветлел, и Семен Петрович готов был поклясться, что в глазах художника мелькнула искра благодарности.

– В запасниках музея... – прошептал голос, едва слышимый. – Там есть еще... мои работы...

И с этими словами портрет окончательно померк, словно и не было ничего необычного в том, что он на мгновение ожил. Семен Петрович еще некоторое время стоял неподвижно, глядя на него, затем резко повернулся и поспешил к выходу.

С этого дня жизнь Семена Петровича круто изменилась. Он, прежде тихий и незаметный сторож, словно обрел новую цель. Днями он пропадал в музейных архивах, изучая старые каталоги и папки с документами, а по ночам, вооружившись фонариком, пробирался в пыльные запасники, разыскивая картины Петра Ивановича Смирнова.

И он нашел их. Несколько пейзажей, натюрморт, портрет молодой женщины с грустными глазами... Картины были запыленными, но в них чувствовалась рука настоящего мастера. Семен Петрович аккуратно протирал их от пыли, и ему казалось, что он снимает пелену забвения не только с полотен, но и с самой памяти о художнике.

Он добился, чтобы картины Петра Ивановича Смирнова отреставрировали и выставили в одном из залов музея. А рядом с ними поместили небольшой портрет самого художни-

ка – тот самый, с которого все началось.

Теперь, проводя экскурсии по музею, экскурсоводы всегда останавливались у картин Петра Смирнова и долго и с особым чувством рассказывали о жизни и творчестве этого незаслуженно забытого художника.

А скрипучая дверь в зал XIX века так и осталась скрипучей. Семен Петрович специально не смазывал петли. Ему нравилось думать, что этот скрип – не что иное, как напоминание о том, что даже в самом тихом и неприметном уголке может скрываться своя тайна, своя история, которая только и ждет, чтобы ее рассказали.

Справка об объекте

Музей истории города Обнинска, Россия, г. Обнинск, пр. Ленина, д. 128

Музей функционирует с 1967 года. Он выступает в качестве краеведческого центра, а также главной художественной галереи Обнинска.

Коллекция состоит из более чем 60 тысяч экспонатов. Экспозиции посвящены истории города и его окрестностей, начиная с древности и заканчивая настоящим временем. Во время экскурсии гостям музея демонстрируются орудия труда и охоты из кости, дерева и камня, керамическая посуда, идолы и амулеты, женские и ритуальные украшения. Да-

лее следуют залы, рассказывающие о Средневековье, XVIII—XIX веках и войнах прошлого столетия.

В художественной галерее представлены работы старых мастеров и современных художников.

Источник: <https://tur-ray.ru/obninsk-attractions.html>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.